

А.В. Михайловский

Хайдеггер и Аристотель о *techné* и *physis*

Статья первая

Герменевтическое значение Аристотеля для формирования хайдеггеровской мысли о технике¹

Исследование посвящено вопросу об эволюции взглядов Мартина Хайдеггера на технику в связи с его феноменологическим прочтением аристотелевского трактата «Физика» (В, 1). В статье показывается, что интерпретация отношения между понятиями *physis* и *techné* лежит в основе той концептуальной модели, которая ассоциируется с поздней мыслью Хайдеггера о современной технике, т. е. с концепцией двойственного характера техники как «величайшей опасности» забвения бытия, с одной стороны, и «спасительной силы», позволяющей нам вернуться к подлинному способу бытия – с другой.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, Аристотель, *physis*, *techné*, современная техника.

1. Начала хайдеггеровской мысли о технике

В фокусе внимания большинства исследований, посвященных философии техники Мартина Хайдеггера, находится доклад 1953 г. «Вопрос о технике»². Это объясняется тем, что до 1936 г. – начала работы над эзотерическим трактатом «К философии (О событии)» и уверенного философского размежевания с национал-социализмом – Хайдеггер, по-видимому, проявляет «индифферентность» к комплексу вопросов, связанных с ключевыми словами критики метафизики – «Technik», «Machenschaft», «Gestell»³. Точнее говоря, понятие «Ge-stell» употребляется им в «Истоке художественного творения» (1935/36)⁴, но используется, причем без всяких подозрений, для объяснения произведения искусства (Kunstwerk), которое «поставляет» сущее в «форму». В своем позднем докладе Хайдеггер сам выстраивает мост между искусством и техникой как двумя разновидностями *techné* как «выведения в непотаен-

ность»⁵, но вопрос о предыстории обращения к теме *techne/Tech-nik* остается открытым и может быть решен, конечно, не только с помощью «текстуально-исторического» анализа⁶. В частности, Ф.-В. фон Херрманн считает, что философское вопрошание о технике и искусстве можно объяснить систематически, т. е. исходя из «фундаментально-онтологически обоснованной метонтологии экзистенции»⁷. Иначе говоря, вопрос о бытии, изначально сформулированный в фундаментально-онтологическом ключе, должен пониматься в широком смысле и охватывать все регионы бытия, включая в себя вопросы о сущности политики, техники и искусства. В целом эту точку зрения разделяет и российский философ А.Н. Павленко, предлагающий начинать рассмотрение техники у позднего Хайдеггера с анализа ее «онтологических основ»⁸.

Попытку систематического анализа эволюции взглядов Хайдеггера на технику предпринимает А. Розалес-Родригес, выделяя две основные фазы в толковании техники у Хайдеггера⁹. Первый этап начинается с различения «подручного» и «наличного» в «Бытии и времени», затем продолжается рассмотрением искусства как *poiesis*'а в его отношении к истине-непотанности в «Истоке...» и завершается отождествлением техники и «завершенной метафизики» в лекциях о Ницше. Второй – послевоенный – этап стоит под знаком толкования техники как «*Gestell*» («Зачем поэт?» (1946), Бременские доклады (1949), включая «Опасность» и «Поворот»), дополняет рассмотрение техники в «Вопросе о технике» критикой естественных наук в докладе «Наука и осмысление» (1953) и завершается интервью «Шпигелю» (1969) и семинарами в Ле Горе и Церингене (1969, 1973). Таким образом, мы видим экспозицию вопроса о технике на фоне масштабной панорамы, включающей в себя практически все основные этапы мысли Хайдеггера. Тем не менее я не могу согласиться с основной гипотезой автора о различии «метафизики *techne*» (находящей выражение в критике картезианства и новоевропейской философии в целом) и «метафизики *physis*» (находящей выражение в философии искусства)¹⁰. Такое различие «физиоморфной» и «техноморфной» моделей представляется мне надуманным, потому что в философии Хайдеггера никогда не идет речь о каких-то параллельно существующих типах метафизики, но только о единой истории бытия. Она не развивается линейно, в ней то проявляются, то затухают отдельные элементы или, говоря словами самого Хайдеггера, равнозначально действуют «сущностные силы бытия». Такими элементами являются, в частности, техника и природа. Рассмотрение этого вопроса осложняется тем фактом, что у самого Хайдеггера отсутствует систематическая философия техники. Именно по этой причине

я отдаю предпочтение герменевтическому подходу, позволяющему истолковать отдельные высказывания Хайдеггера о технике в широком контексте его лекционных курсов, выступлений и трактатов 1930-х гг. Так я надеюсь устранить те мнимые несогласованности, которые вынуждают вводить искусственные членения и мешают увидеть философию техники Хайдеггера в ее живом развитии.

Как известно, свои размышления в «Вопросе о технике» Хайдеггер выстраивает на основе экзегезы аристотелевского учения о четырех причинах, которая позволяет ему в дальнейшем определить технику как «некий способ раскрытия» (*eine Weise des Entbergens*) и тем самым указать на место этого феномена в онтологическом взаимоотношении *physis* и *poiesis*. Как во многих других работах, опубликованных после войны в составе книг «Лесные тропы» (1950) или «Доклады и статьи» (1954), концептуальные контуры «Вопроса о технике» восходят к лекциям и трактатам 1930-х. Отдельные мысли и формулировки, имевшие несомненное актуально-политическое звучание в годы Третьего рейха, были сглажены или затушеваны, некоторые же прорисованы более четко и даже усилены в своем цивилизационно-критическом потенциале. Однако основные экзегетические ходы, многократно опробованные на лекционном материале, а также общий бытийно-исторический подход остались неизменными. В этой статье я сосредоточусь на анализе трактата «О существе и понятии φύσις: Аристотель. Физика В, 1» (1939) с целью детально разобрать сложное отношение между *techne* и *physis*, которое образует исходную точку поздней теории техники Хайдеггера, определяющей сущность техники как «постав» (*Gestell*)¹¹. В этом смысле я постараюсь избежать широко распространенной исследовательской схемы «Хайдеггер I» и «Хайдеггер II», «до поворота» и «после поворота». Более того, одна из моих приоритетных задач заключается в том, чтобы продемонстрировать следующее: мы не сможем в полной мере оценить и понять хайдеггеровскую герменевтику греков и, в частности, Аристотеля, если мы не будем принимать во внимание политический контекст его лекций и выступлений в ключевой для мыслителя период – период ректорства. К тому времени у Хайдеггера уже сложилось убеждение о превосходстве греков над современностью, а потому Платону и Аристотелю, взятым вкупе с «досократиками» Гераклитом или Парменидом, отводилась настоящая роль философских менторов, которые наконец дождались своего часа и теперь вызывают из глубин истории бытия к революционно настроенному немецкому народу. Как формировалась философия техники Хайдеггера, чья ситуативно настроенная онтологическая герменевтика занималась поиском в изречениях и трактатах «древних» ответов

на вызовы позднего модерна и, в частности, ускоренного технического развития, а значит, была призвана реализовать ницшеанский проект «переоценки ценностей» под знаком консервативной революции – этим намерением руководствуется настоящая статья.

Бросается в глаза гетерогенность – как жанровая, так и содержательная – хайдеггеровских работ этого периода. Исследователь имеет дело с курсами лекций, докладами, публичными выступлениями, наконец, эзотерическими записями «Черных тетрадей». Я вполне разделяю «интегральный подход» к творчеству Хайдеггера Д. Тома, который считает, что «если относиться к философии Хайдеггера как целому, то нужно рассматривать его нацистский активизм в тесной связи как с “Бытием и временем”, так и с поздними работами. Речь не идет о простой непрерывности – прокладываемые Хайдеггером пути могут быть очень извилистыми»¹². И все же благодаря такому прочтению у односторонних апологетов мыслителя, равно как и у желающих во что бы то ни стало скомпрометировать его, заведомо выбивается почва из-под ног. То же самое касается и попытки свести все сочинения Хайдеггера к одному мотиву – «ненависти к модерну»¹³. Как будет показано в дальнейшем, ранние приближения Хайдеггера к теме техники не дают оснований однозначно записывать его в «антимодернисты».

Начиная с 1930-х гг. чтение Аристотеля используется Хайдеггером для прояснения изначального греческого смысла *techne* в ее тесной связи с *physis*, толкуемой как обнаружение и раскрытие сущего. В противоположность новоевропейскому пониманию техники, которая начиная с 1935/36 гг. обозначается им как *Machenschaft*¹⁴, т. е. распоряжение сущим через производство и репрезентацию, Хайдеггер пытается нащупать и развить реакционно-модернистскую концепцию «подлинной техники» (*echte Technik*), которая могла бы служить германскому народу и обеспечивать его будущее. Аристотель же оказывается тем философом, который дает германскому мыслителю инструменты, необходимые для защиты от угрозы новоевропейской планетарной техники.

В ходе исследования будет показано, что интерпретация отношения между понятиями *physis* и *techne* во второй книге «Физики» лежит в основе той концептуальной модели, которая ассоциируется с поздней мыслью Хайдеггера о технике, а именно мыслью о *двойственном характере техники* как «величайшей опасности» забвения бытия, с одной стороны, и «спасительной силы», позволяющей нам вернуться к подлинному способу бытия – с другой.

2. Феноменологические интерпретации Аристотеля

В хайдеггероведении уже устоялось мнение, что творчество Аристотеля явилось одним из главных источников формирования собственного философского подхода Хайдеггера. Сам философ говорит о значении Аристотеля в эссе «Мой путь в феноменологию» так:

Чем больше я упражнялся в феноменологическом зрении и плодотворно толковал в этом ключе сочинения Аристотеля, тем сильнее я привязывался к нему и другим греческим мыслителям. Правда, тогда я еще не мог предвидеть, к каким серьезным последствиям приведет это новое открытие Аристотеля¹⁵.

Opus magnum Хайдеггера «Бытие и время» вышло в 1927 г. В течение предшествующих лет он преподавал во Фрайбурге и Марбурге и во многих курсах обращался к Аристотелю. Например, в 1922 г. молодой доцент читал лекции под названием «Феноменологические интерпретации Аристотеля: онтология и логика»¹⁶, а в 1924 г. прочел курс «Основные понятия аристотелевской философии»¹⁷. Вслед за этими лекциями, посвященными в основном «Никомаховой этике» и «Риторике», Хайдеггер предложил интерпретацию «Софиста» Платона, чтение которого в значительной мере перемежалось анализом 6-й книги «Никомаховой этики» (с особым акцентом на понятии *phronesis*'а) и 1-й книги «Метафизики»¹⁸. Одновременно он вел семинары по другим трактатам Аристотеля, в частности «О душе» и «Метафизика». Занятия Аристотелем продолжаются и в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: Хайдеггер, уже профессор, разбирает «Риторику», «Метафизику», «Физику», уделяя особое внимание логике и, в частности, вопросу об истине.

Частые обращения к трактатам Аристотеля (прежде всего, «Никомаховой этике» и «Метафизике») в 1920-е гг. свидетельствуют о фундаментальном значении Аристотеля для проекта «феноменологической деструкции», т. е. «расшатывания окостеневшей традиции» или критической разборки ведущих понятий западноевропейской метафизики для определения и выявления ее позитивных возможностей. Аристотель вошел в историю онтологии как мыслитель, который, основываясь на эмпирических наблюдениях и интерпретируя их в смысле подручного существования (*zuhanden*), создал понятие бытия *qua* сущность (*ousia*), определившее судьбу западноевропейской метафизики. Хайдеггер также отмечает¹⁹, что основопонятия греческой онтологии являлись производными от

категорий ремесленного производства, и в согласии с Аристотелем рассматривает *techne* как разновидность *poiesis* – слово, переводимое им на немецкий язык субстантивированными глаголами *Herstellen* («из-готовление») и *Her-vor-bringen* («про-из-ведение»).

В 1930-е гг. выделяются две работы Хайдеггера об Аристотеле – во-первых, курс о «Метафизике Θ 1–3» (1931) и, во-вторых, трактат 1939 г. «О существе и понятии $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$: Аристотель, Физика В, 1»²⁰. Несмотря на то что между этим этапом и курсами об Аристотеле 1920-х гг. прослеживается систематическая связь, факт нового обращения к пониманию природы у Аристотеля имеет другие ситуативно-герменевтические предпосылки: в частности, во второй половине 1930-х гг. Хайдеггер интенсивно читает немецкого романтика Гёльдерлина, для которого природа (*Natur*) во многих отношениях была источником для преодоления метафизики в поэтическом ключе. Как отмечает Ф. Вольпи²¹, в 1930-е гг. Хайдеггер продолжает высоко ценить Аристотеля, как будто желает оградить его от своих поздних интерпретаций истории метафизики как истории «забвения бытия». Он подчеркивает не столько отношение Аристотеля к метафизике, сколько отголоски дометафизической открытости, ведь только для досократической мысли был по-настоящему доступен цельный смысл *physis*, т. е. изначальной, забытой позднейшей западной метафизикой полноты бытия как устойчивого роста. Аристотель является для Хайдеггера некой точкой бифуркации в истории бытия²². Красноречивое тому свидетельство – трактат «О существе и понятии $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$ »²³. Эта работа показывает значение Аристотеля для Хайдеггера, хотя контекст (в отличие от 1920-х гг.) уже совсем иной. В аристотелевском различении «сущего-по-природе» (*physei onta*) и артефактов (*apo technes onta*) – того, что имеет начало движения в самом себе, и того, что не имеет начала движения в самом себе – Хайдеггер усматривает досократический смысл *physis*, т. е. бытия. Если учитывать, какое значение для хайдеггеровского диагноза современности имеет отношение между природой и техникой, можно легко понять место, отводимое здесь Аристотелю.

В этом трактате Хайдеггер воспроизводит аристотелевскую теорию *physis*, обнаруживая в его онтологии изначальный греческий, т. е. феноменологический смысл бытия. А именно, Хайдеггер утверждает, что в «Физике В 1» мы находим «такое понимание *physis*, которое служит основой и путеводной нитью для всех последующих интерпретаций сущности “природы”»²⁴. Говоря о «*physis*», Аристотель имел в виду оригинально-греческое наименование бытия как роста, присутствия, постоянства, соответственно, полагает Хайдеггер, это позволяет восстановить примат «природы» над «техникой».

Таким образом, если обращение к Аристотелю в 1920-е гг. было продиктовано стремлением дать ответ на вопрос, как возможна феноменология жизни, то в 1930-е гг. Хайдеггер ставит другой вопрос – как можно помыслить технику в согласии с природой. В герменевтическом плане этому соответствует постепенное смещение герменевтического интереса от «Никомаховой этики» к «Физике», а в концептуальном плане – переход от понятия «забота» – центрального для периода «Бытия и времени» – к центральному понятию текстов нацистского периода «работа».

3. Вопрос об отношении между *physis* и *techne* в философии Аристотеля

В самом начале трактата Хайдеггер делает отсылку к современной ситуации, тревожно отмечая черты планетарной технической революции. Предваряющая ремарка выдержана в традиционной для немецкой критики культуры тональности, которую можно считать вообще типичной для Хайдеггера²⁵: в результате масштабного планирования новоевропейского человека привычный наш мир, весь «круг земли», трещит по швам (если он вообще был скреплен): «Denn der Erdkreis geht aus den Fugen, gesetzt daß er je in solchen war; und die Frage erhebt sich, ob die Planung des neu-zeitlichen Menschen – und sei sie planetarisch – je ein Welt-gefüge zu schaffen vermag»²⁶. На смену идеи взаимозависимости человеческого существа и природы приходит идея миро-устройства (*Welt-gefüge*). Технологическое распоряжение сущим приводит к забвению бытия. За представление о мире как миро-устройстве отвечает, по мысли Хайдеггера, субъект-центричная метафизика Нового времени, в которой природа (*natura*) определяется исходя из «духа»²⁷. Стремление духа к господству над миром – метафизический источник современной техники – Хайдеггер связывает с искажением аристотелевского понимания природы, причинности (*aitia*) и движения (*kinesis*). Распад «круга земли» – общечеловеческая плата за трансформацию смысла ключевых терминов европейской метафизики, определяющих отношение человека к сущему. Подмена древнегреческой *physis* новоевропейской *natura*, подмена имманентного природе развития и роста глобальным планированием не является «всего лишь» историко-философским эпизодом «Begriffsgeschichte», но говорит о серьезнейшей опасности для всего человечества.

Новая постановка вопроса о существе *physis* и взаимоотношении между *physis* и *techne* в философии Аристотеля не продиктована каким-то философским любопытством, но напрямую связана

с решениями относительно истины сущего, а значит, заключает в себе ответ на угрозу. Говоря о природе как «начале движения» (*arche tes kineseos*), Аристотель обнаруживает исконно греческое понимание, согласно которому движение как способ бытия имеет характер «выхождения в присутствие» (*Herkommen in die Anwesenung*), в открытость (*das Offene*). Хайдеггер не хочет сказать, что это природное «про-из-ведение» скопирует с модели технического производства, как это, например, происходит у Канта²⁸. Наоборот, он заостряет противоположность между *physis* и *techne*, что имеет основания в «Физике» (199 b 18–33)²⁹ и «Метафизике» (1070 a 7–11)³⁰. «Сущее от *techne*», т. е. вещи, созданные рукой мастера, и природное сущее про-из-водятся различными способами, но общим для них является выведение в присутствие. Хайдеггер обращает внимание на тот факт, что, проясняя онтологическую структуру сущего, Аристотель исходит не из искусственных, а из природных вещей. В «Физике», как «сокрытой и потому никогда достаточно не продуманной главной книге западноевропейской философии»³¹, Хайдеггер видит прежде всего онтологическое исследование движущегося сущего и движения как способа бытия природных вещей. Итак, Аристотель различает две области сущего – природное (*phusei onta*) и искусственное (*apo technes onta*). Они характеризуются двумя различными способами бытия, которые отличаются разным отношением к движению. Природные вещи – растения, животные – происходят из самих себя, имеют начало движения в самих себе (*arche* означает одновременно начало и властное распоряжение)³². Искусственные же вещи имеют источник движения вне самих себя, и их причиной как раз является *techne*.

В области *techne*, в отличие от природы, где все четыре причины совмещены воедино, человек берет на себя функцию движущей причины. Таким образом, в плане становления структура *poiesis*'а одна и та же, «потому что семя так же порождает (*poieit*) живое, как умение – изделия» (Метафизика 1034 a 34)³³. Хайдеггер показывает, что греческая *techne* не тождественна ни технологии как способу изготовления, ни искусству как умению мастера³⁴. Но, позволяя какой-то вещи проявиться в качестве такой-то и такой-то, в качестве дома или кровати, *techne оказывается способом раскрытия, выведения в открытость*. *Poiesis* – это та сфера, где четыре способа причинения – как природного сущего, так и технического сущего – приходят к явленности. Ведь и *physis* и *techne* производят определенную *morphe* в сущем, которая отвечает за то, как будет выглядеть вещь (*Aussehen*), присутствуя «на виду» в бытии. Семя нацелено на то, чтобы произвести такое же по виду сущее, в случае же техники принцип, позволяющий проявиться форме, заключен

не в природе, а в производящем. Открытость (*Offenheit*), учреждаемая в истине-*aletheia*, есть открытость для присутствия (*Anwesenheit*). Как точно замечает Т. Садлер, «с точки зрения Хайдеггера, *physis* и *techne* различаются у Аристотеля как различные модусы присутствия»³⁵, т. е. онтологический приоритет *physei onta* состоит в том, что принцип присутствия природных вещей заключается в них самих, они приходят в действие сами (*self-actualizing*), в то время как изделия мастера не являются само-стоятельными.

Несколькими годами раньше, в «Истоке художественного творчества», Хайдеггер писал, что слово *techne* первоначально означало «способ знания» (*Weise des Wissens*): сущность знания для греческого мышления заключалась в *aletheia*, т. е. раскрытии сущего³⁶. Отсюда следует, что если *techne* изначально не является изготовлением артефактов, то ответ на вопрос о настоящей причине движения заключается не в самих действиях художника, но в способе раскрытия сущего, лежащего в основе этих действий. Поэтому Хайдеггер переводит *techne* как «*Sichauskennen*», «умение разбираться в каком-то деле»³⁷ – например, в том, как происходит и каким результатом должно завершиться изготовление кровати. Следует отметить, что на страницах книги «Вехи» («*Wegmarken*») *techne* методично сближается с понятием *sophia*, что должно подчеркнуть ее когнитивный характер («*techne ist ein Erkenntnisbegriff*»³⁸). А именно, Хайдеггер переводит *sophia* также словом «*Sichauskennen*»: в работе «Учение Платона об истине» под «софией» понимается знание того, что «присутствует как непотаенное»³⁹ – знание (*Wissen*), которым направляется всякое «выведение на свет»⁴⁰.

Тем не менее знание и умение представляют собой два разных отношения к сущему. В «Никомаховой этике» (VI, 3–4) Аристотель различает пять «способов, какими душа достигает истины» – по-гречески *aletheuein* или, в терминологии Хайдеггера, пять способов раскрытия: *techne*, *episteme*, *phronesis*, *sophia*, и *nous* (1139 b 15–19)⁴¹. Если, согласно разделению Аристотеля, *episteme*, *nous*, *sophia* относятся к «теоретико-познавательной» (*epistemonikon*) части души и вращаются в сфере вечных и неизменных принципов, то «рассчитывающая» часть (*logistikon*) включает в себя *techne* и *phronesis* и имеет дело с привходящими обстоятельствами и многообразными человеческими делами, предполагая творческую деятельность и поступки. При этом *techne* – сфера творения, тогда как *phronesis* – сфера действия. Компетентность мастера, владеющего *techne*, включает в себя знание того, как изготовить нечто, могущее существовать и не существовать в действительности. *Arche* таких вещей соответственно сам творец, а не производимое им изделие: «ведь *techne* не относится ни к тому, что существует

или возникает с необходимостью, ни к тому, что существует или возникает естественно, поскольку подобные вещи имеют движущее начало в самих себе» (Никомахова этика, 1140 а 10–14)⁴². *Techné*, согласно Аристотелю, – «это некий причастный истинному рассуждению склад души (*hexis tis meta logou alethous*)», т. е. рефлексорирующее поведение, нацеленное на произведение (1140а 21–22)⁴³. Это позволяет Хайдеггеру подчеркнуть специфику *techné* как близкого к *episteme* способа обнаружения истины, раскрытия, только не в смысле *theoria*, а в смысле *poiesis*'а, произведения⁴⁴. *Logos* позволяет мастеру привести процесс становления в движение, «собрать» причины для изготовления вещей, «которые могут быть и не быть» и чье начало – в творце.

В предшествующем «Понятию и существу *physis*» тексте «Учение Платона об истине» Хайдеггер излагает свою концепцию греческой истины-*aletheia* как «непотаянности», которую он отличает от латинской истины-*veritas*, понимаемой в смысле корреспондентной теории. Ростки теории истины как «соответствия» или «правильности идеи» Хайдеггер находит у Платона (в мифе о пещере из «Государства» происходит изменение существа истины – основной тезис вышеназванного трактата Хайдеггера), но в то же время в мышлении и Платона, и Аристотеля сохраняются отзвуки более ранней интуиции истины. Хайдеггер подчеркивает исходное отрицание в слове *aletheia*: *α-privativum* говорит о необходимости вырвать истину из сокрытости, потаянности. В этой перспективе техника оказывается, конечно, не просто средством для достижения цели, но *способом раскрытия* внутри жизненного мира – именно это хочет донести до своего читателя Хайдеггер, настаивая на том, что техника имеет непосредственное отношение к «решению о существе истины»⁴⁵.

Episteme, говорит Аристотель в «Метафизике», обнаруживает сущее в его бытии, ибо знающий ищет знания ради «понимания (*eidenai*), а не ради какой-нибудь пользы» (Метафизика 982 b 20)⁴⁶, тогда как *techné* обнаруживает сущее относительно его пользы для человека, но при этом изготовление сущего руководствуется знаниями. Человеку необходимо получить средства для жизни, которых у него нет в распоряжении, для чего требуется создать определенные инструменты. «Это стремление, – поясняет ученик Хайдеггера Карл Ульмер, – становится особым способом обнаружения вещей, которое руководствуется перспективой получения необходимых средств для жизни и попутно обнаруживает условия их получения»⁴⁷. Таким образом в *techné* «устанавливается герменевтическое отношение между человеком и сущим»⁴⁸. Ведь чтобы выделить какой-то предмет (наличное, *vorhanden*) из естественно-

го окружения (например, найденную глину, которой будет придана форма горшка), необходимо уже увидеть его в качестве полезного в конкретной ситуации и представлять себе назначение будущего изделия (интенциональное отношение). Далее, это предполагает оценивание пригодности материала для этой цели и знакомство с указаниями к изготовлению, которые в свою очередь отсылают к системе действий внутри жизненного мира. Следующая за этой первичной ориентацией обработка материала с помощью методических операций превращает наличный предмет в подручный (*zuhanden*)⁴⁹.

В самом конце «Второй аналитики» (II.19) Аристотель говорит, что и умение, и знание возникают из опыта (Вторая аналитика, 100 а 4–9), т. е. в основе обеих способностей души лежит эмпирия, а дальнейшее развитие происходит по пути обобщения. Аристотель рассматривает здесь, каким образом мы получаем знание об *archai*. Он говорит, что «от восприятия происходит память», а «из воспоминаний об одной и той же вещи, которые происходили неоднократно, рождается опыт (*empeiria*) – многие воспоминания образуют единственный опыт. А из опыта, или из общего [...] происходит начало искусства (*techne*) и знания (*episteme*): начало искусства, поскольку оно имеет дело со становлением (*genesis*), и начало знания, поскольку оно имеет дело с сущим»⁵⁰. То же демонстрирует и пример из «Метафизики»: искусный врач определяет, что такое-то лекарство помогло исцелиться от одной и той же болезни Каллию, Сократу и многим другим (Метафизика 981 а 8–10). Если развить этот пример дальше, то общим здесь будет связь между болезнью и лекарством, которая постигается лишь при условии ясного понимания существа болезни. Врач есть источник движения, он знает цель – здоровье пациента – и принимает необходимые меры для того, чтобы ее достичь. Последний элемент в цепочке врачевания – это лекарство, которое вводится в больной орган и, вступая в контакт с пациентом, таким образом дает ему то, чего ему не хватает.

В хайдеггеровской интерпретации происходит своеобразная «интерференция» двух различных смыслов *techne*, которые мы находим в трактатах Аристотеля. Согласно первому, «метафизическому» значению в «Физике», *techne* есть *aitia*, третья причина, которая «запускает» процесс становления. В другом, когнитивном смысле, этот термин используется во «Второй аналитике» и «Никомаховой этике» (*techne* – «некий, причастный истинному рассуждению склад души»). В 4-й главе книги Z «Никомаховой этики» (1140 а 9–10) Аристотель утверждает, что искусство – это способность творить с помощью истинного рассуждения. Кроме того, *techne* имеет дело с вещами, которые «могут быть, а могут

не быть» (1140 а 12–13), и именно поэтому могут быть сотворены. (В отличие от «Второй Аналитики», где, как мы только что видели, усвоенное эмпирически искусство связывается со становлением вещей, *genesis*, в «Этике» Аристотель говорит главным образом о производстве, *poiesis*.) И *techne*, и *episteme* узнаются одним и тем же способом, через опыт. Однако если вторая есть знание неизменных причин вещей, то первая – знание причин происхождения вещей, которые подвластны случаю.

Techne невозможна без отчетливого представления о том, что должно быть в конечном счете произведено (*entelecheia* в смысле полноты и осуществленности вещи), равно как и без предварительного понимания того, каким образом оно будет произведено; отношение *techne* к истине как непотаенности, таким образом, означает ясность и осведомленность относительно того, как *становятся* вещи и как должно происходить творение. В «Метафизике» Аристотель замечает, что «ведущие мастера» мудрее простых ремесленников не потому, что они умеют что-то делать, но потому что обладают понятием (*logos*) и знанием о причинах (Метафизика 981 б 6–7). Подобно тому, как *episteme* и *techne* оказываются близки – они руководствуются разумом, видят целое и в качестве таковых суть способы *aletheia*, – так и для *physis* и *techne*, несмотря на описанную выше противоположность, свойственно существенное сходство: обе являются способами обнаружения, благодаря которому вещи являют себя такими, какие они суть, и обе имеют дело с вещами, способ бытия которых – *kinesis*.

Подведем промежуточные итоги. 1. В трактате «О существе и понятии *physis*» Хайдеггер переводит *techne* как «умение ориентироваться в деле», что позволяет сделать предположение о любопытном герменевтическом эффекте: исключительно метафизический анализ *physis* и *techne* во второй книге «Физики» нагружается Хайдеггером когнитивным значением, т. е. читается сквозь призму той трактовки термина, которая имеет место во «Второй аналитике» и главным образом в «Никомаховой этике». 2. Хайдеггер выделяет особый характер греческого понятия *techne*, тесно связанного с *episteme* как способом выведения в непотаенность. В качестве способа «истинствования» *techne* предполагает понимание *physis* как раскрытия сущего. Если мастер желает определить, что может быть произведено, он должен полагаться на опыт, почерпнутый им в своем жизненном мире. Иными словами, техника может рассматриваться как «*know how*», *условие произведения вещей внутри знакомого человеку мира*. 3. И *physis*, и *techne* суть способы раскрытия. Аристотель проясняет онтологическую структуру сущего на примере природных вещей. Существо *physis* заключается в способнос-

ти производить вещи (*dynamis*), приводя их к явленности. По аналогии Аристотель рассматривает и возникновение вещей (*genesis*) в производственной деятельности мастера, чей творческий склад основан на априорной осведомленности относительно *physis* как бытия сущего. Для Хайдеггера важно подчеркнуть не только то, что *techne* не может заменить собою *physis*, но и то, что *techne* может и, вероятно, должна действовать в согласии с *physis*⁵¹. Это последнее наблюдение уже позволяет сделать следующий шаг по направлению к понятию «подлинной техники».

Примечания

- 1 Эта статья написана на основе доклада, сделанного на конференции по Аристотелю в Сорбонне (Париж–IV) в октябре 2012 г. Продолжение работы над темой стало возможным благодаря гранту Немецкой академической службы обменов (DAAD) в 2015/16 г.
- 2 В качестве наиболее ярких примеров можно привести авторитетные исследования Г. Зойбольда (*Seubold G. Heideggers Analyse der neuzeitlichen Technik*. Freiburg; München: Alber, 1986) и Э. Якоба (*Jacob E. Martin Heidegger und Hand Jonas: Die Metaphysik der Subjektivität und die Krise der technologischen Zivilisation*. Tübingen; Basel: Francke Verlag, 1996. S. 79–111).
- 3 *Thomä D.* Die Zeit des Selbst und die Zeit danach: Zur Kritik der Textgeschichte Martin Heideggers 1910–1976. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1990. S. 726 ff.
- 4 *Heidegger M.* Holzwege. Hrsg. von F.-W. von Herrmann. GA 5. Frankfurt a/M., 1977. S. 52.
- 5 *Heidegger M.* Vorträge und Aufsätze. Hrsg. von F.-W. von Herrmann. GA 7. Frankfurt a/M., 2000. S. 13.
- 6 *Thomä D.* Op. cit. S. 731.
- 7 *Herrmann F.-W. von.* Das Ereignis und die Fragen nach dem Wesen der Technik, Politik und Kunst // *Kunst, Politik, Technik: Martin Heidegger*. Hrsg. von Ch. Jamme und K. Harries. München: Fink, 1992. S. 244.
- 8 *Павленко А.Н.* Возможность техники: Взгляд из Лавры и голос из Марбурга // *Историко-философский ежегодник – 2002*. М.: Наука, 2003. С. 398–399.
- 9 *Rosales-Rodríguez A.* Die Technikdeutung Martin Heideggers in ihrer systematischen Entwicklung und philosophischen Aufnahme: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie (Dr. phil). Dortmund, 1994.
- 10 *Ibid.* S. 216.
- 11 Многозначность взаимоотношения техники и природы (также в связи с Аристотелем) рассматривалась в работах: *Ulmer K.* Wahrheit, Kunst und Natur bei Aristoteles: Ein Beitrag zur Aufklärung der metaphysischen Herkunft der modernen Technik. Tübingen, 1953; *Beier B.* Die Frage nach der Technik bei Arnold Gehlen und Martin Heidegger: Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines

- Doktors der Philosophie. RWTH Aachen, 1978. S. 102–148; *Ihde D.* *Technics and Praxis*. Dodrecht; Boston; L.: Reidel, 1979. P. 103–129; *Brogan W.A.* *Heidegger and Aristotle: The twofoldness of Being*. Albany: State Univ. of New York Press, 2005. P. 38–46. Настоящая статья учитывает результаты этих исследований, но фокусируется скорее на частном вопросе о формировании хайдеггеровских взглядов на технику в годы до, во время и после ректорства и о практическом приложении экзегезы Аристотеля.
- ¹² *Thomä D.* Heidegger und der Nationalsozialismus: In der Dunkelkammer der Seinsgeschichte // *Heidegger-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung*. Hrsg. von D. Thomä. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2003. S. 160.
- ¹³ См.: *Ferry L., Renault A.* *Heidegger et les Modernes*. P.: Grasset, 1988. P. 172.
- ¹⁴ *Heidegger M.* Einführung in die Metaphysik. Hrsg. von P. Jäger. GA 40. Frankfurt a/M., 1983. S. 168; *Heidegger M.* Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) (1936–1938). Hrsg. F.-W. von Herrmann. GA 65. Frankfurt a/M., 1989. S. 130 ff.
- ¹⁵ *Heidegger M.* Zur Sache des Denkens. Hrsg. von F.-W. von Herrmann. GA 14. Frankfurt a/M., 2007. S. 97–98.
- ¹⁶ См.: *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles: Einführung in die phänomenologische Forschung. Hrsg. von Walter Bröcker und Käte Bröcker-Oltmanns. GA 61. Frankfurt a/M.: V. Klostermann, 1985.
- ¹⁷ См.: *Heidegger M.* Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie. Hrsg. von M. Michalski. GA 18. Frankfurt a/M., 2002.
- ¹⁸ См.: *Heidegger M.* Platon: Sophistes. Gesamtausgabe. Hrsg. v. I. Schüßler. GA 19. Frankfurt a/M., 1992. S. 21–188.
- ¹⁹ *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles (Anzeige der hermeneutischen Situation). Hrsg. von G. Neumann. GA 62. Frankfurt a/M., 2005. S. 398.
- ²⁰ Обзор курсов лекций Хайдеггера об Аристотеле взят из: *Brogan W.A.* *Op. cit.* P. 22.
- ²¹ См.: *Volpi F.* Der Rückgang auf die Griechen in den zwanziger Jahren. Eine hermeneutische Perspektive auf Aristoteles, Platon und die Vorsokratiker im Dienst der Seinsfrage // *Heidegger-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung*. Hrsg. von D. Thomä. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2003. S. 35.
- ²² См.: *Михайловский А.В.* Субъект или ипостась? Точки бифуркации в истории субъективности // *Философия. Теология. Наука: Материалы Первых чтений, посвященных А.Г. Чернякову / Сост. Н.А. Печерская; Под ред. Б.В. Останина*. СПб., 2011. С. 34–61; Г. Фигаль отмечает «янусоподобность» фигуры Аристотеля у Хайдеггера (*Figal G.* *Heidegger als Aristoteliker // Heidegger und Aristoteles. Heidegger-Jahrbuch 3*. Freiburg/München: Verlag Karl Alber, 2007. S. 53–76).
- ²³ *Heidegger M.* Wegmarken. Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Gesamtausgabe Bd. 9. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann, 1976. S. 239–301.
- ²⁴ *Ibid.* S. 243.
- ²⁵ Ср.: *Meyer D.* Kulturkritische Aspekte bei Martin Heidegger, 1918–1932 // *Jahrbuch zu Kultur und Literatur der Weimarer Republik*. 15. 2011/2012. Ed. Text+Kritik, 2013. S. 47–69.
- ²⁶ *Heidegger M.* Wegmarken. S. 242.

- ²⁷ В близком к Хайдеггеру смысле различия между понятием *physis* в греческих космологиях и понятием *natura* в естествознании Нового времени были показаны на обширном историко-научном материале А.В. Ахутиным в книге: *Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»)*. М.: Наука, 1988.
- ²⁸ *Ibid.* S. 289.
- ²⁹ См.: *Аристотель. Физика* // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 100. Здесь и далее цитаты из Аристотеля приводятся по академическому изданию с принятым указанием пагинации.
- ³⁰ См.: Аристотель. *Метафизика* // Там же. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 302.
- ³¹ *Heidegger M. Wegmarken.* S. 242.
- ³² См.: *ibid.* S. 247.
- ³³ *Аристотель. Метафизика.* С. 203.
- ³⁴ *Heidegger M. Wegmarken.* S. 251.
- ³⁵ *Sadler T. Heidegger and Aristotle: The Question of Being.* The Athlone Press, 1996. P. 80.
- ³⁶ *Heidegger M. Holzwege.* Hrsg. von F.-W. von Herrmann. GA 5. Frankfurt a/M., 1977. S. 46.
- ³⁷ *Heidegger M. Wegmarken.* S. 250, 251.
- ³⁸ *Ibid.* S. 251.
- ³⁹ *Ibid.* S. 234.
- ⁴⁰ Ср. «Введение в метафизику» (1935): «...Мы переводим *techne* как “знание” (*Wissen*)... изначальное и постоянное выглядывание за пределы как раз наличествующего» (*Heidegger M. Einführung in die Metaphysik.* Hrsg. von P. Jäger. GA 40. Frankfurt a/M., 1983. S. 168).
- ⁴¹ См.: *Аристотель. Никомахова этика* // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 174–175.
- ⁴² Там же. С. 176.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ В «Вопросе о технике» способ раскрытия (*Entbergen*), присущий *techne*, тоже определяется через отличие от *episteme* со ссылкой на книгу Z «Никомаховой этики» (*Heidegger M. Vorträge und Aufsätze.* S. 14).
- ⁴⁵ *Heidegger M. Wegmarken.* S. 241.
- ⁴⁶ *Аристотель. Метафизика.* С. 69.
- ⁴⁷ *Ulmer K.* Op. cit. S. 52.
- ⁴⁸ *Beier B.* Op. cit. S. 106.
- ⁴⁹ Американский философ техники и исследователь Хайдеггера Д. Айди считает, что уже в «Бытии и времени» Хайдеггер обращает внимание на взаимосвязь отсылки между содержащимися в технологиях прикладными знаниями и нашей интерпретацией природы (*Ihde D. Technology and the Lifeworld. From Garden to Earth.* Bloomington/Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1990. P. 34).
- ⁵⁰ *Аристотель. Вторая аналитика* // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 343–344.
- ⁵¹ Ср.: *Heidegger M. Wegmarken.* S. 257.